

Научная статья
УДК 821.111-3.09
DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.011

Пересекая незримые границы: проблема гибридной идентичности в постколониальной британской прозе

Сергей Петрович Толкачев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
stolkachov@yandex.ru

Аннотация. В статье идет речь об особенностях современной британской постколониальной литературы, в которой на протяжении последних десятилетий переосмыслиется опыт мигрантов, проживающих на территории Соединенного Королевства. Актуальность исследования состоит в обращении к творчеству британских мультикультурных писателей, чьи произведения с каждым годом становятся все более популярными, что объективно отражает смену этнокультурной парадигмы в пространстве литературы. Цель статьи — проанализировать произведения современных британских писателей Миры Сайал и Дирана Адебайо с точки зрения присутствующих в них гибридных образов, которые возникают в так называемых пороговых пространствах, то есть в пограничье двух и более культур. Предметом исследования являются романы «Жизнь — не только сплошная радость» М. Сайал и «Оттенок черного» Д. Адебайо. Результаты изыскания дают возможность выявить новые формы поэтики мультикультурного пространства в произведениях постколониальных писателей, а выводы статьи позволяют определить особенности образности постколониальной литературы, которая в современном мире формирует содержание как социокультурных, политических дебатов, так и структуру отдельных видов идентичности национальных меньшинств в Великобритании. Практическая значимость данного труда заключается в возможности использования его результатов в подготовке курсов лекций и практических занятий по современной зарубежной литературе, в разработке спецкурсов по постколониальной и мультикультурной прозе.

Ключевые слова: гетероглоссия, гибридность, мультикультурализм, постколониальная литература, новые этносы, транскulturация.

Для цитирования: Толкачев С. П. Пересекая незримые границы: проблема гибридной идентичности в постколониальной британской прозе // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 103–113. DOI: [10.37724/RSU.2022.77.4.011](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.77.4.011).

Original article

Crossing Invisible Borders: Hybrid Identity in Postcolonial British Prose

Sergey P. Tolkachov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
stolkachov@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the peculiarities of modern British postcolonial literature which in the recent decade has been reassessing British migrants' experience. The relevance of the research consists in the fact that it analyzes works of British writers from multicultural backgrounds. The analyzed literary works have been gaining popularity lately, which signals a cultural paradigm shift. The aim of the article is to analyze works by modern British writers Meera Syal and Diran Adebayo from the point of view of hybrid images which appear in the so called threshold spaces, i.e. between two or more cultures. The object of the research is the novel *Life is Not All Ha Ha Hee Hee* by Meera Syal and *Some Kind of Black* by Diran Adebayo. The research outlines new forms of multicultural poetics in postcolonial writers' works, which help shape self-awareness of ethnic minorities in Britain and provoke socio-cultural and political discussions. The practical significance of the research consists in the fact that it can be used to teach foreign literature, postcolonial and multicultural prose.

Keywords: heteroglossia, hybridity, multiculturalism, postcolonial literature, new ethnic groups, transculturation.

For citation: Tolkachev S. P. Crossing Invisible Borders: Hybrid Identity in Postcolonial British Prose. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 4 (77):103–113. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.011.

Введение

Как известно, современное британское общество — настоящая мозаика из этнокультурных групп, что стало следствием исторических процессов прошлого и современности, быстрого развития многочисленных форм коммуникации, которые сокращают расстояния, облегчают культурные контакты, но могут порой привести не только к различной степени взаимопонимания между этносами, но и к росту враждебности в социуме. Взаимодействие между нациями, которое предполагают эти обстоятельства, составляет одну из наиболее характерных черт постмодернистского мира с его диалектичностью процессов бытия и вариативностью настоящего, создающей ощущение зыбкости происходящего. Наследие недавнего прошлого, однако, все еще присутствует и процветает в многоэтничном мире, и ценности, поддерживаемые гуманизмом, на которых были построены многие нации, влияют на жизнь современных постмодернистских сообществ. Возникновение постколониальной литературы после крушения европейских империй в середине XX века и позже — прямой ответ на глобальные сдвиги в мире. В Великобритании такая литература чрезвычайно разнообразна и характеризуется мультикультурностью, гибридностью, особой поэтикой, которой свойственны гетероглоссия, полифоничность, пороговое состояние сознания героев, считающих себя приобщенными к более чем одной культуре, отсутствие единства хронотопа, в пространстве которого разворачивается действие.

Творчество британских постколониальных писателей хорошо известно и на Западе, и в нашей стране, поскольку оно отмечено многочисленными престижными литературными премиями. Среди наиболее именитых — три лауреата Нобелевской премии: В. Найпол, К. Исигуро и А. Гурна, лауреаты Букеровской премии: С. Рушди, Б. Окри, М. Али, К. Десаи, обладатели других авторитетных премий: Х. Курейши, М. Али, А. Десаи и мн. др. Действие произведений таких писателей чаще всего разворачивается в Соединенном Королевстве и затрагивает проблемы идентичности в гибридном обществе, конфликты адаптации и взаимного неприятия белых и темнокожих британцев, разрушительные последствия расизма для общественного развития, пересечение мигрантами географических и экзистенциальных границ, что приносит и радость обновления, и ностальгию по покинутой родине.

Основная часть

Теоретики постколониализма Э. Саид [Saïd, 1978], Х. Бхаба [Bhabha, 2004], Р. Янг [Young, 1995], С. Холл [Hall, 1996] и другие по-разному рассматривают идею гибридности, но так или иначе сходятся в том, что этот феномен лежит в основе попыток подчеркнуть взаимовлияние культур в колониальном и постколониальном пространстве, в выражении синкретичности, культурной синергии и транскультурации — феноменов, наблюдаемых в постколониальной литературе. В нашем исследовании мы решили рассмотреть произведения двух современных британских писателей, не очень хорошо знакомые отечественному читателю, поскольку на русский язык они еще не переводились и не часто становились предметом литературоведческого анализа.

Так, романы Миры Сайал (1961 г. р.) «Жизнь — не только сплошная радость» и «Анита и я» (второе произведение частично рассмотрено в отечественном исследовании [Илунина, 2021]) касаются Лондона как космополитичного пространства, в котором разворачивается драматическое действие с характерными для современной Англии межэтническими конфликтами в силу далеко не изжитых предрассудков в отношении «другого», ксенофобии и откровенного расизма. Сюжеты произведений Сайал строятся вокруг общечеловеческих мотивов любви, предательства, культурного столкновения. Порой возможны и прецеденты диктата патриархальности в кругах национальных меньшинств Англии, который проявляется в форме индивидуальных или материальных практик, норм или кодов, порождающих консервативные формы регулирования на уровне диаспоры или семьи. Однако негативный фон романов Сайал все же несколько отодвигается на задний план, поскольку в обоих случаях общая тональность повествования полна надежды, обогащенной юмористическими нотками, а потенциальная конфронтация между этносами разумно

сбалансирована тактикой личной солидарности и межкультурного взаимопонимания [Bhabha, 2004].

В данной статье мы подробнее обратимся к роману «Жизнь — не только сплошная радость». В подтексте романа присутствует история процесса «реактивной колонизации», то есть переселения в столицу метрополии жителей бывших колоний и их потомков, которое привело к современному смешению этнических групп в Англии. Этот процесс косвенно проявляется через панорамное описание в исторической перспективе одного конкретного лондонского здания — паба под названием «Базз», места драматического развития сюжета. Читатель узнает, что изначально постройка принадлежала государству: в ней в Викторианскую эпоху размещался работный дом. Располагалось здание в пользующемся дурной славой лондонском Ист-Энде, который в новую эпоху стал синонимом иммигрантской жизни, убожества и крайней нищеты. Со временем собственность была выкуплена еврейской семьей, которая обосновалась в Лондоне, спасаясь от преследований во времена фашизма в Восточной Европе, и превратила ее в склад. Через три поколения владельцы переехали в пригород, а бывший работный дом стал собственностью арабской семьи Вахаабов, которые десятилетиями противостояли расовой враждебности своих соседей, пока не дожили до чудесной трансформации своего мира, когда Ист-Энд был обновлен и стал процветающим сообществом благодаря инициативе иммигрантов из Бангладеша. Имран Вахааб размышляет о необычности этой ситуации: «Как странно... Столько времени и усилий было потрачено на то, чтобы держать нас в страхе, а теперь мир приходит к нам, улыбаясь и протягивая руки» [Syal, 2000, p. 156].

История паба «Базз», где одна из главных героинь романа, Таня, снимает серию телепередач о жизни индо-пакистанской общины в Лондоне, — иносказание о лабиринтах глобализации, которая при всех ее негативных чертах способствует быстрой трансформации социальных и этнических характеристик общежития в густо населенной столице и исчезновению враждебных отношений на благо всех в новых формах процветающего взаимодействия. В новые времена Вахааб продает свою собственность молодому бенгальскому бизнесмену, который превращает ее в модный паб, оформленный в стиле деревенского индийского жилища, ставший местом встречи людей из этнической общины, населяющей мир романа Сайал.

История этого лондонского здания символизирует мультикультурный мир, в котором живут персонажи, процветают позитивные настроения, но иногда человеческие интересы здесь могут вступать в конфликты. Семейные хроники в произведении часто являются результатом последовательных приливов тех или иных групп мигрантов в мультикультурный Лондон, о чем свидетельствует, например, сюжет, связанный с Чилой, второй из трех главных героинь романа. Родители Чилы приехали из Индии, в результате круговоротов судьбы стали гражданами Великобритании и живут в Лондоне уже долгое время. Это обстоятельство заставляет героиню постоянно размышлять над проблемой своих корней: «Она называла себя индианкой, хотя никогда в Индии не бывала. Ее родители редко говорили о родине, поскольку их сожаление об отъезде затмевало любую радость или светлое воспоминание» [Syal, 2000, p. 303]. Несмотря на ощущение утраты дома, оставленного в прошлом, и планы Чилы совершить давно откладываемый визит в Индию, уровень ассимиляции населения диаспоры в западном обществе настолько высок, что старшее поколение уже не идеализирует прошлое, потому что «Индия, которую они все знали, исчезла примерно во времена черно-белых фильмов и принудительной стерилизации» [Syal, 2000, pp. 193–194].

В диаспорном пространстве Лондона, как это показано в романе «Жизнь — не только сплошная радость», остро поднимаются проблемы, связанные не только со сложностью межкультурного взаимодействия, но также и с отношениями внутри индо-пакистанской общины, члены которой устанавливают прочные эмоциональные связи с семьей и друзьями, причем личность молодых героев произведения формируют как этнические, так и межпоколенческие отношения. Что касается адаптации молодых азиатов к английской культуре, то, согласно исследованиям теоретиков постколониализма [Young, 1995], азиатская молодежь в южном Лондоне идентифицирует себя по-разному — и как азиатов, и в качестве британских азиатов, а некоторые ощущают себя настоящими британцами, что свидетельствует о почти полной интеграции молодых людей в общество. Хотя британские СМИ 70–80-х годов XX века были склонны отождествлять настроения азиатской молодежи со столкновением культур и конфликтом между поколениями, на сегодняшний день азиатско-британская идентичность тесно вплетена в британскую социальную и культурную ткань как среди молодежи, так и в кругах старшего поколения. Эти социологические наблюдения подтверждаются ситуациями, описанными в романе Сайал. Если юные персонажи часто демонстрируют несогласие со своими родителями, это никогда не приводит к явному

конфликту, потому что разногласия обычно обсуждаются открыто. Чаще всего родители-индусы, имея более традиционные взгляды, предпочитают в качестве пары для своих сыновей азиатских девушек, в то время как индийские молодые люди склонны выбирать себе в пару коренных белых британок, но при этом любой выбор в современной эпохе никогда не приводит к разрыву семейных отношений, как это случилось несколькими десятилетиями ранее.

Так, родители Дипака, одного из героев произведения, вынуждены смириться с увлечениями сына белыми девушками, но никогда не помышляли о том, чтобы отвергнуть своего сына за это. Тем не менее они, естественно, в восторге, когда Дипак, наконец, решает жениться на пенджабской девушке: «Отец с матерью теперь чуть не плакали от радости, выдержав парад белокурых красавиц, посещавших их дом большую часть юных лет своего сына» [Syal, 2000, p. 12]. Сунита, третья героиня романа, шутливо выдвигает предположение о том, что выбор молодежи — это выражение восточной мести белым мужчинам: они крадут у азиатов их женщин. Как бы то ни было, даже если старшее поколение и пытается, по мысли автора, сохранить свою религию, брачные и погребальные обычаи и продолжит носить традиционную азиатскую одежду, ничто не мешает молодежи, чаще всего девушкам, идти своим путем и демонстрировать собственную идентификацию с западным образом жизни и привычками, такими как потеря невинности до брака, или ношение леггинсов и туфель на шпильке, или сочетание бинди и кожаных курток.

Однако это влияние не является однонаправленным, поскольку транскультурация выступает важной особенностью современной британской социальной реальности, которую можно проследить еще со времен греков и римлян, поскольку Британия фиксировала в своей истории влияние Азии, Африки и Ближнего Востока по крайней мере на протяжении двух тысячелетий. Такое всепроникающее воздействие обнаруживается сегодня в успехе всего азиатского, на что ссылается роман через описание процветающей «Маленькой Индии» в Лондоне или в изображении реакции отдельных персонажей на индийскую культуру. Белые британцы бывают слегка озадачены культурными различиями, например, когда гости-англичане на индийской свадьбе не понимают, почему невеста и ее семья раздражаются рыданиями при отъезде молодоженов после долгого дня счастливого веселья [Syal, 2000, p. 26]. С другой стороны, коренные англичане проявляют искренний интерес к привнесённым мигрантами обычаями в «зоне контакта», как, например, мистер Киган, который восхищается дружелюбием и открытым выражением теплоты и взаимной поддержки в азиатских семьях на церемонии проводов человека в последний путь [Ibid., p. 331].

В то же время в одной из сцен романа присутствуют ярко выраженные элементы феномена креолизации. Когда телевизионный босс Тани дает ей указание, чтобы она снимала телесюжеты только на темы азиатской жизни, героиня возражает: «Больше никаких походов в гетто, я теперь в мейнстриме» [Syal, 2000, p. 258]. Ответ молодой женщины звучит как драматизация метафорического названия книги Б. Эшкрофта и других теоретиков постколониализма «Империя пишет ответ» [Ashcroft, Griffiths, Tiffin, 1989]. Тани протестует против того, чтобы в ней видели только азиатку или представительницу этнического меньшинства, и требует признания своих прав на выбор любых тем для творческих работ.

Хотя в романе «Жизнь — не только сплошная радость» время от времени встречаются примеры этнических стереотипов и дискриминации [Syal, 2000, pp. 144, 230], индо-пакистанская община в Лондоне может вести мирную и успешную жизнь в неоднородном, многоэтническом сообществе благодаря процессу становления гибридной идентичности, формирующейся в зонах контакта. Гибридная культура главных героев в такой же степени присутствует как в среде, которая их окружает, так и в деталях их повседневной жизни. Тани описывает перекресток в лондонском районе «Маленькая Индия» следующим образом: «Там был пограничный контроль — “викторианский” полицейский участок на углу, который отделял Ист-Энд от другого района: с одной стороны располагались магазины автозапчастей и Макдональдс, с другой — магазин “Chiffons” Камалы, а дальше — почти две мили империи сладостей, кафе-дхаба, роскошных ювелирных лавок и дорогих бутиков азиатской моды. Можно было, в буквальном смысле сделав шаг, оказаться в другой точке мира» [Ibid., p. 40]. Хотя рассказчик использует слово «граница» по отношению к этой воображаемой линии, разделение далеко не четкое, как мы видим по тому факту, что молодые люди, посещающие это место, носят западную одежду и слушают узнаваемые индийские мелодии вперемешку с западными постмодернистскими ритмами. Столь же гибридным оказывается и отношение к обычаям в общении между полами, что видно по поведению молодежи на азиатских свадебных вечеринках: «Это была игра, которой все молодые одиночки увлекались на свадьбах, независимо от скрытой жизни и отношений вне этих часов увеселений. А пока они могли флиртовать, как, должно быть, делали их предки, оттачивая приемы обольщения, и притворяться, что их будущее будет также устроено на таких церемониях у родителей на глазах, а не в тайных переписках по мобильному телефону» [Ibid., p. 25].

Поведение молодых индийцев в том, что касается брачных обычаев, демонстрирует неизбежное влияние западных традиций, однако они по-прежнему во многом признают старые обычаи частью своей культуры и реагируют на них, даже пусть и в духе театрального шоу, в которое им нравится играть. На противоположной стороне этого воображаемого водораздела многие белые британцы благосклонно относятся к азиатскому образу жизни, который стал модным выбором с тех пор, как все «небританское стало новым трендом в моде, в музыке, в дизайне, на улицах, судя по количеству белых девушек, щеголявших с бинди на лбу и хной на руках» [Syal, 2000, p. 109].

В романе преобладает поэтика творческих превращений, диалектичных смен ролей и тактик взаимовлияний героев друг на друга, приводящих к смене идентичностей. Акаш, муж Суниты, выражает именно такую точку зрения, говоря о своих сверстниках как о «поколении, которое может изменить ситуацию, пересмотреть то, что значит быть азиатом-мужчиной или азиаткой-женщиной, не теряя гордости за то, кто ты есть. Потому что культура, как и люди, развивается и меняется» [Syal, 2000, p. 103]. Способность к управлению в процессе строительства идентичности является важной идеей, что подтверждается словами Тани: «Я могу пойти на рейв-вечеринку, а на следующее утро готовить на общей кухне в храме! Смотрите, как я легко перехожу со старых тропинок на новые пастбища, создавая новую культуру, когда иду по девственному снегу!» [Ibid., p. 148]. Слова героини выражают ее яркий опыт взаимодействия с субъектами диаспоры и коренными британцами в пограничном пространстве социокультурного контакта. Тани создала новую культуру и сформировала свою собственную идентичность в отношениях с другими азиатами, а также со своим белым парнем Мартином, который восхищается азиатскими обычаями. Героиня называет его «белокурым гигантом, викингом своего сердца» [Ibid., p. 153], чувствуя благодарность к Мартину, потому что его иная этнокультурная идентичность освобождает ее от прошлого. Эмоциональные отношения между различными этническими группами укрепляют социальные связи и дружеские отношения.

В романе между темнокожей индианкой Таней и белым британцем Мартином сходятся несколько центральных проблем постмодерного общества [Lyotard, 1979]. Позиция Мартина, белого мужчины из среднего класса, изображается как исцеляющее героиню средство, поскольку тем самым закрывает двери для авантюрных, героических подвигов в мультикультурном духе. Но в то же время возлюбленный героини утратил традиционную роль экономического доминирования из-за того, что заработок Тани покрывает их общие счета. В результате этого Мартин говорит, что «сегодня у парней маловато возможностей чувствовать себя мужественными» [Syal, 2000, p. 111]. Утрата центральной роли мужчины в частной сфере жизни здесь становится очевидной и интерпретируется как характерная черта современной социальной структуры. Теперь интересы личности лежат на периферии, в так называемом пороговом, предельном пространстве, где может процветать творчество. Парень Тани чувствует себя потерянным, ему не за что бороться, и он сожалеет, что особый социокультурный перекресток, на котором он оказался, лишает его возможности развивать свои творческие способности: «Вот если бы он родился чернокожей женщиной, — рассуждает Мартин, — и стал матерью-одиночкой в муниципальной квартире с несостоятельным бывшим партнером, властными богобоязненными родителями и радикально настроенной сестрой, увлекающейся рэпом, он мог бы создать из себя что-нибудь потрясающее. Может быть, что-то в стиле соул, но с живинкой, с огоньком. Он, конечно же, страдал бы, но разве это не является главной предпосылкой для создания Великого Искусства» [Ibid., p. 110]. Одновременно возлюбленный Тани рассматривает расизм и сексизм как социальное зло, что заставляет его восхищаться романтическим качеством жизни Тани: «Все это было так эпично! Потрясения эмиграции, подавляющий всех и вся патриархальный отец, умирающая мать, шизофрения брата-подростка, который тяжелым трудом зарабатывал деньги и отказывался упоминать имя сестры у себя дома» [Ibid.].

Хотя слова Мартина кажутся преувеличенными и комичными, поднятые вопросы как раз и составляют центральные темы и проблемы постколониального и постмодернистского дискурса. С другой стороны, Тани являет собой воплощение современного женского либерального духа, так как она отказывается выполнять роль, которую ожидала от нее патриархальная семья: «Я редко бывала дома, но все равно кормила, поддерживала всех, улыбалась каждому, помогала семье, заполняла пустоту» [Syal, 2000, p. 110]. Реакция Тани на семейные ожидания причиняет ей страдание, ведет к отчуждению, но ее сила вызывает восхищение окружающих, дает ей возможность вести свободную жизнь, независимую от мужской опеки, а также проявлять самостоятельность в построении своей собственной идентичности.

Тема патриархальности занимает центральное место в романе Сайал и проявляется в повествованиях о жизни всех трех главных героинь. Тот факт, что персонажи принадлежат к индо-

пакистанской общине, имеет существенное значение, поскольку восточная культура особенно склонна поддерживать превосходство мужчины, а молодые женщины при этом так или иначе задумываются о значении своей роли. На протяжении всего романа Таня, Сунита и Чила описываются как участники ситуаций, которые иллюстрируют борьбу между противоположными крайностями личной свободы и семейной ответственности с привнесением в их настроение чувства вины, когда они не отвечают социальным ожиданиям. Сунита перегружена своим положением работающей матери с двумя маленькими детьми на руках и часто конфликтует с мужем, который отказывается брать на себя равную с женой ответственность. В то же время героиня расстроена своей заурядной работой и тем, что не смогла закончить учебу в университете. Таня подозревает, что Акаш, муж ее подруги, каким-то образом виноват в неудачах его жены, когда та пытается начать карьеру интеллигента. В какой-то момент повествования Сунита берется за чтение книги, в которой есть глава, многозначительно названная «Патриархальность как божественная сущность». Героиня подчеркивает абзац, в котором богиня Сита упоминается как пример жертвоприношения. В разделе говорится, что «...многие индийские женщины подсознательно приравнивают брак и партнерство к испытаниям и страданиям. Действительно, они ожидают этого и приветствуют союз с мужчиной как доказательство добродетельной связи, благословенной традицией» [Syal, 2000, p. 210], а позже в тексте следует: «Сита будет поощрять мученичество женщины и ее подчинение мужчине...» [Syal, 2000, p. 211]. Отношения, описанные в книге, совпадают с примерами, которые подает старшее поколение в семьях героинь. Хотя культура отцов претерпела значительные изменения по сравнению с индийскими традициями прошлого, положение женщины в ней по-прежнему так или иначе связано с судьбой брака. Так же, как и в далекой Индии или Пакистане, в британско-индийской общине люди среднего возраста считают брак самым значительным событием и поворотным моментом в жизни женщины, от которой ожидают, что она сохранит свою невинность до брака и найдет хорошего мужа.

У юной Чилы не такая стойкая личность, чтобы самостоятельно прокладывать свой путь в жизни. Неся бремя своих воспоминаний о школе, где она не была блестящей ученицей, героиня чувствует себя униженной и обездоленной. Когда приходит пора замужества, ситуация обостряется. Чила принадлежит к традиционной семье, в которой женщина считается не очень дорогим «товаром», и, опасаясь, что дочь может остаться незамужней, семья начинает «осаждать брачный рынок со всех сторон» [Syal, 2000, p. 148]. В сообществе британских азиатов эмоциональное благополучие родителей девушки зависит от того, насколько успешно им удастся найти подходящего для нее партнера. Как иронично отмечает рассказчик в части под названием «Весна», «угождая мужьям своих дочерей, они обеспечивали дочерям будущее, ибо не все ли зависит от этого? Знать, что добропорядочный мужчина будет заботиться о любимых чадах, когда их больше не будет на свете?» [Ibid., p. 198]. В таком контексте значение женщины как человека неизбежно обесценивается, порой до степени превращения в неодушевленный предмет, как это символично показано в описании свадебной церемонии Чилы: «Она хотела праздновать. Но вместо этого ее мумифицировали, запеленали в красно-золотой шелк, напялили на нее половину содержимого дорогого свадебного магазина, накрасили, напудрили, и тяжесть нарядов стала настолько невыносимой, что Чила могла передвигаться только походкой матерей — кротко, застенчиво, неуверенно приближаясь к кульминации свадьбы» [Ibid., p. 14].

Постколониальный и постмодернистский аспект романа Сайал «Жизнь — не только сплошная радость» обусловлен прежде всего актуальными темами как патриархальности, так и глобализации, культурной гетерогенности, транскультурации. С другой стороны, структура и повествовательная техника романа достаточно традиционны, с едва заметными отступлениями от реалистических канонов. Произведение разделено на две основные части, и в нем соблюдается поступательность развития сюжета, который воспроизводит события из жизни трех главных героинь и их спутников жизни. Одновременно образная ткань повествования тонко связана с чувствами и подсознанием персонажей.

Действие первой части, не имеющей названия, происходит зимой и начинается с показа мрачного, уродливого лондонского района Лейтон, укрытого выпавшим снегом, который не в силах придать праздничность городским кварталам, и описания свадебной церемонии Чилы и Дипака, поданного в драматических тонах, но с элементами юмора. По ходу повествования читатель знакомится с героями и узлом конфликтов, в которые они вовлечены. Вторая часть, озаглавленная «Весна», начинается с оптимистичной картины возрождения природы, показывает растущую душевную зрелость персонажей и завершается разрешением большинства коллизий. Несмотря на то, что, как следует из названия романа, не каждый ощущает себя счастливым к концу повествования, главные герои все же извлекают уроки из своих ошибок и возрождаются,

закаленные превратностями судьбы. В качестве особенности композиции можно отметить необычное чередование названий и нумерации глав, содержащихся в двух частях романа. Каждый главный герой произносит свой монолог в двух главах, названных тем или иным именем, в то время как пронумерованные главы «озвучиваются» всеведущим голосом. Этот прием обогащает роман, предлагая отстраненную точку зрения рассказчика. Хотя такое сбалансированное распределение суждений открывает широкую панораму, нет никаких сомнений в том, что для автора, прежде всего, особую ценность представляет субъективный взгляд на созданных ее воображением женских персонажей.

Характеристика героинь — тонкая и филигранная, что способствует правдоподобию ситуаций, которые органично соотносятся с реальной жизнью. Язык произведения прост и соответствует тону повседневных разговоров. Однако иногда в него вторгаются поэтические образы, чтобы выразить крайние степени эмоций, например, когда Чила сталкивается с предательством мужа и резко осуждает его за это. Далее следует его реакция: «Дипак будто подавился чем-то твердым и колючим. Он знал, что, если откроет рот, от его воплей рухнут стены, его вырвет болезнью, которая привела его сюда, оставив безвольную, пустую оболочку. Он рывком распахнул дверь и почти побегал под деревьями вдоль подъездной аллеи» [Syal, 2000, p. 282]. Ярость от того, что его ложь жене обнаружена, и чувство вины из-за неуправляемых эмоций достигают невыразимого уровня интенсивности и проявляются как симптомы острой физической боли. Точно так же, через полстраницы, страстная реакция Тани на внезапное разоблачение неискренности ее возлюбленного выражена крайне экспрессивно: «Таня стояла перед ним обнаженная. Она вцепилась в стену позади себя, чтобы не упасть. На фоне белой стены она казалась такой же мрачной и суровой, как пустыня, с множеством оттенков золотого и коричневого. Она смотрела на него с выражением глубокой утраты. Горячий ветер начал сдувать ее прочь, песчинка за песчинкой. Голос Тани был сухим, как пергамент: “Убирайся!”» [Ibid., p. 283].

Дипак и Мартин оказываются в сомнительном этическом положении, и искренность женщин контрастирует с эгоистичным мужским манипулированием как в отношении Тани, так и Чилы. Контрасты моральных позиций тонко передаются выбором ярких образов, противопоставляющих уродство красоте. Тот факт, что роман начинается со свадьбы и заканчивается похоронами, безусловно, подразумевает жизненные взлеты и падения — мысль, которая также присутствует в наводящем на размышления использовании отрицания в названии произведения «Жизнь — не только сплошная радость». Заключительный посыл оптимистичен, поскольку он указывает на то, что прощение возможно, какой бы болезненной ни была обида. Надежду можно найти в поддержке, которую предлагают дружеские объятия и душевный отклик на потерю. Последний образ в романе — это щебетание птиц, за которыми наблюдает взволнованная Таня вместе с друзьями на похоронах своего отца. Тем самым автор подводит черту под повествованием: жизнь на вкус и сладкая, и горькая — то же ощущение роман оставляет у читателей.

В романе «Жизнь — не только сплошная радость» Сайал дает четкое представление о том, как можно относиться к сохранению культурных традиций, играющих жизненно важную роль в становлении личности ее героинь, поскольку они стремятся найти свое место в мультикультурной Британии. Этническая идентичность не может быть просто отброшена или использована исключительно для накопления культурного капитала. Смысл ее состоит в том, что она должна быть признана и принята как теми людьми, которые живут с ней, так и обществом в целом. Тем не менее роман Сайал в конечном счете предлагает мозаичную версию этнической общности: поколение ее главных героев демонстрирует гибридность, которая проявляется в стремлении к новому, но иногда диктует и необходимость осознать устоявшееся чувство принадлежности к традиционным ценностям.

Роман «Оттенок черного» (1997) британского писателя Дирана Адебайо (1968 г. р.) — еще одно произведение, в котором рассматриваются проблемы гибридной идентичности, но, по сравнению с творением Сайал, оно более драматичное, резкое, так как пафос в данном случае прямо направлен против расизма и ложных стереотипов идентичности. В романе повествуется о коротком периоде жизни темнокожего молодого человека по имени Деле, который дрейфует в русле своего бытия, время от времени сталкиваясь с ксенофобией и переживая из-за уязвленного чувства собственного достоинства. Парень нигерийского происхождения, родившийся в Британии, он постепенно достигает зрелости благодаря событиям, меняющим его жизнь, в том числе любви к белой девушке и запущенному им самим процессу самопознания. Будучи студентом Оксфордского университета, герой разрывается между иммигрантским наследием своей семьи и новыми обстоятельствами, которые возникают благодаря его таланту и даруют блестящие

возможности в виде элитного образования в Оксфорде и культурных возможностей Лондона. Воспитание Деле в Лондоне определяет его городское «я», ту его часть, которая принадлежит уличному миру, в то время как Оксфорд дает ему шанс добиться привилегированного, респектабельного существования и высокого социального статуса. Все эти эпизоды из биографии героя представлены в романе как взаимодополняющие части его личности.

Юношеская беззаботность Деле не позволяет ему сидеть на месте: он все время мечется между Оксфордом и Лондоном, из-за чего слышит постоянные упреки отца в том, что сын не должен отвлекаться, если хочет построить новую жизнь. В Оксфорде, эксклюзивном «гетеротопном пространстве» [Foucault, 1984], представляющем собой одновременно мифическое и реальное бытие, для сохранения существующих границ и структур университета подсознательно вырабатывается неприятие «посторонних», которые не всегда чувствуют себя там комфортно. Тем не менее именно Оксфорд способствует приобщению Деле к доминирующим социальным группам, чего так горячо желают его родители.

Независимо от своего привилегированного оксфордского положения и протестов семьи Деле в отношении его лондонских друзей, герой все равно чувствует давление расизма и в университете, и во время встреч со своими друзьями в Лондоне. После того, как Конкрит, друг Деле из Брикстона, сталкивается с полицией, арестовавшей его машину, коллизия перерастает в расовый конфликт [Adebayo, 1997, pp. 73–78]. В книге принадлежность к тому или иному классу и социальный статус человека играют решающую роль, но раса все-таки рассматривается как определяющий фактор для восприятия места темнокожих людей в социуме. Сюжет романа навеян реальным случаем, произошедшим с темнокожим британцем Стивенем Лоуренсом, который был убит в результате расистского нападения пятерых белых мужчин на автобусной остановке в 1993 году. В свете этого автор показывает, что, независимо от того, к какому социальному классу принадлежит Деле и насколько высок уровень его образования, он все равно чувствует угрозу со стороны расистски настроенных слоев общества, в частности офицеров полиции. Адебайо, исследуя изнанку многокультурного Лондона, вскрывает трудности жизни, связанные с небританским происхождением.

В отличие от романа другого английского писателя Ханифа Курейши «Будда из пригорода» [см.: Толкачев, 2021], в котором все-таки находится некий компромисс между мейнстримом и постколониальной культурой, роман «Оттенок черного» бросает вызов не только расизму, но и разделению темнокожих людей на диаспоры по их происхождению. В то время как уличные друзья Деле заставляют его «вести себя по-ямайски», его родители постоянно напоминают ему о своей жизни в Нигерии: «Отец Деле сильно давил на сына, не позволяя ему дружить с карибцами. Но сам Деле жил в Лондоне, и почти все — африканцы или иммигранты с Карибских островов — проводили, по крайней мере, часть времени в детстве вместе» [Adebayo, 1997, p. 55]. Родные страны иммигрантов также проявляются как «нестабильные означающие», поскольку даже в Лондоне им приходится различать «нигерийцев, проживающих на линии метро Джубили», которая соединяет более престижные районы, и выходцев из этой африканской страны, работающих дворниками в Хакни, неблагополучном районе, преимущественно населенном иммигрантами [Ibid., p. 73]. Лондон создает у Деле впечатление, что он постоянно «пересекает границы», перемещаясь по городу, и оказывается то в мире «отверженных», то в относительно благополучных районах.

Несмотря на давление, которому Деле подвергается и в Оксфорде, и в Лондоне, герой пытается соединить свое нигерийское происхождение с культурными формами вест-индской диаспоры и с британским влиянием в построении своей идентичности, тем самым показывая, что это слияние на первый взгляд кажется невыносимым. Деле считает, что его «ветви» имеют большее значение, чем его «корни», потому что «именно ветви приносят плоды и тянутся к небу» [Adebayo, 1997, p. 9]. Именно поэтому протагонист не принимает сторону «культурных националистов» и опасается их сентиментальности по отношению к Африке, которая для него — лишь ностальгическая блажь, сплав старых мифов о целостности сильных африканских культур. Отказываясь надевать узорчатую агбаду — одежду африканских мусульман, — Деле отмежевывается от них. Его прохладное отношение к учебе, которое могло бы позволить ему сохранить свой статус представителя среднего класса, и отсутствие интереса к участию в протестах против расизма, по сути, также связано с нежеланием отождествлять себя с какой-либо социальной или этнической группой.

В романе критике подвержен не только расизм, но и представления об исключительности чернокожей идентичности, которые не менее навязчивы. Множественность социальных, культурных, религиозных ячеек, подспудно присутствующих в образной системе произведения Адебайо, которые не имеют четкой структуры, перемешиваются, налагаются друг на друга, не допуская какой-

либо четкой идентификации с одной местностью, определенной идентичностью или четкой системой взглядов. Исследуя различия, Адебайо вооружает себя и читателя инструментами, которые бросают вызов расовому эссенциализму, то есть убеждению в том, что каждому этносу свойственна некая глубинная, непостижимая и, главное, неизменная сущность.

Финал романа можно считать оптимистичным, потому что Деле приходит к мысли о нежелании полного разрыва со своим настоящим. Ему нужна только пауза, передышка. Времена меняются, и человеческая природа тоже. Роман оставляет читателя с чувством того, что молодые темнокожие люди искренне озабочены построением нового культурного пространства, в рамках которого их идентичность создается и обновляется как часть непрекращающегося динамического процесса. Роман «Оттенок черного» — пример поиска своего подлинного «я» в кругах темнокожей британской молодежи, и его главный посыл заключается в том, что эти люди — не однородная масса, но крайне сложно структурированное сообщество, уникальное собрание индивидуальных судеб, психологических типов, с разным опытом и личным выбором.

Заключение

Таким образом, в нашем исследовании была предпринята попытка анализа двух романов английских писателей небританского происхождения, Миры Сайал и Дирана Адебайо, на тему, крайне актуальную в современном мире, в котором именно такая литература помогает противостоять расизму и формирует содержание как политических дебатов, так и форму отдельных видов идентичности национальных меньшинств в Великобритании. Доминирующим видом политики антирасизма в Англии по-прежнему остается мультикультурализм, несмотря на то, что в последние годы он все чаще оспаривается как политиками, так и учеными. Мультикультурализм сам по себе является проблематичным термином, имеющим множество значений, зачастую противоречивых, но, возможно, он остается единственной доступной идеологией, которая серьезно относится к разнообразию. Уместно спросить, может ли это уважение к разнообразию само по себе бросить вызов материальным основам и формам расовой дискриминации? Вопрос остается открытым, но каждый из рассмотренных в этом исследовании писателей имеет свое отношение к нынешней модели мультикультурализма и к борьбе с расизмом. Выделяя три конкретные горячие точки, через которые можно исследовать мультикультурную идентичность — стремление диаспоры к родине предков, инаковость британцев-мусульман и овеществление этнической принадлежности в фиксированных общественных структурах, — мы не утверждаем, что это единственные узлы интересов, в которых проверяется состоятельность мультикультурализма, и что творчество постколониальных писателей может быть легко гомогенизировано при невнимательном анализе или рассматриваться как имеющее готовые сценарии решения проблем. Мультикультурализм всегда находится в конфликте с самим собой на уровне индивидуальных дебатов: он мало что предлагает с точки зрения последовательной философии, но, вероятно, в своих внутренних противоречиях всегда сможет выработать новые формулировки, которые будут опираться как на его собственную историю, так и на современные исторические тренды, чему должны способствовать оригинальные и талантливые произведения постколониальных писателей.

Список источников

1. Илунина А. А. Интертекстуальный диалог с романом Харпер Ли «Убить пересмешника» в романе Миры Сайал «Анита и я» // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2021. — № 2 (91). — С. 71–74.
2. Толкачев С. П. Мультикультурная литература: новые горизонты XXI века : авт. моногр. — М. : Изд-во «КноРус», 2021. — 326 с.
3. Adebayo D. *Some Kind of Black*. — London : Abacus, 1997. — 238 p.
4. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The Empire Writes Back*. — Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis Group, 1989. — 246 p.
5. Bhabha H. *The Location of Culture*. — Abingdon-on-Thames : Routledge, 2004. — 408 p.
6. Foucault M. *Des espaces autres* (conference au Cercle d'études architecturales, 14 mars 1967) // *Architecture, Mouvement, Continuite*. — 1984. — № 5. — Pp. 46–49.
7. Hall S. *New Ethnicities // Critical Dialogues in Cultural Studies*. — London : Routledge, 1996. — Pp. 441–449.
8. Lyotard J. F. *La condition postmoderne*. — Paris : Minuit, 1979. — 109 p.
9. Said E. W. *Orientalism*. — New York : Pantheon Books, 1978. — 368 p.
10. Syal M. *Anita and Me*. — London : Flamingo, 1997. — 328 p.

11. Syal M. *Life isn't all ha ha hee hee*. — London : Black Swan, 2000. — 333 p.
12. Young R. *Colonial Desire: Hybridity in Theory? Culture and Race*. — London ; New York : Routledge, 1995. — 236 p.

References

1. Ilunina A. A. Intertextual Dialogue with Harper Lee's "To Kill a Mocking Bird" in Meera Syal's Novel "Anita and Me". *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly Notes of Orlov State University]. 2021, no. 2 (91), pp. 71–74. (In Russian).
2. Tolkachev S. P. *Mul'tikul'turnaja literatura: novye gorizonty XXI veka* [Multicultural Literature: New Horizons of the 21st Century]. Moscow, KnoRus Publ., 2021, 326 p. (In Russian).
3. Adebayo D. *Some Kind of Black*. London, Abacus Publ., 1997, 238 p.
4. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The Empire Writes Back*. Abingdon-on-Thames, Taylor & Francis Group Publ., 1989, 246 p.
5. Bhabha H. *The Location of Culture*. Abingdon-on-Thames, Routledge Publ., 2004, 408 p.
6. Foucault M. Des espaces autres (conference au Cercle d'études architecturales, 14 mars 1967). *Architecture, Mouvement, Continuite*. 1984, no. 5, pp. 46–49. (In French).
7. Hall S. New Ethnicities. *Critical Dialogues in Cultural Studies*. London, Routledge, 1996, pp. 441–449.
8. Lyotard J. F. *La condition postmoderne*. Paris, Minuit Publ., 1979, 109 p. (In French).
9. Said E. W. *Orientalism*. New York, Pantheon Books Publ., 1978, 368 p.
10. Syal M. *Anita and Me*. London, Flamingo Publ., 1997, 328 p.
11. Syal M. *Life Isn't All Ha Ha Hee Hee*. London, Black Swan Publ., 2000, 333 p.
12. Young R. *Colonial Desire: Hybridity in Theory? Culture and Race*. London, New York, Routledge Publ., 1995, 236 p.

Информация об авторе

Толкачев Сергей Петрович — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета.

Сфера научных интересов: постколониальная и мультикультурная литература Великобритании, США и других англоязычных стран.

Information about the author

Tolkachev Sergey Petrovich — Doctor of Philology, Professor in the Department of Russian and Foreign Literature of the Translation Faculty at Moscow State Linguistic University.

Research interests: postcolonial and multicultural literature of Great Britain, the USA and other English-speaking countries.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022; принята к публикации 25.09.2022.

The article was submitted 10.07.2022; accepted for publication 25.09.2022.